

ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ТРУДА В ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КАК ФАКТОРА СТАНОВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Р.Я. Фидарова

В статье на основе анализа осетинской литературы выделены и проанализированы этапы становления личности человека как субъекта труда в философско-эстетическом осмыслении художественным сознанием осетин. Показано, что осетинское художественное сознание рассматривало труд как мощный фактор формирования сущности человека, с одной стороны, и как комплексное общественное явление, органично связанное с законами развития общества, – с другой. На это обстоятельство обратили внимание еще осетинские просветители, и они же впервые задумались о диалектике необходимости и свободы общественного труда. Просветители также отмечали сословно-политическую обусловленность труда в классовом обществе. Осмысление процесса становления человека как субъекта труда фольклорным сознанием осетин, отражающим отношения личной зависимости в первобытную и феодальную эпоху, можно условно отнести к первому этапу. Затем осетинская литература критического реализма отразила специфику становления субъекта труда в капиталистическом обществе, где реализуются частнособственнические отношения и происходит становление человека с богатыми социальными и духовными свойствами, потребностями, связями как целостного и универсального продукта общества (К. Маркс). Это – второй этап становления человека как творца, субъекта труда, в понимании художественного сознания осетин. При этом человек в мире товарно-денежных отношений приобретает способность к напряженному труду, значительно развивая отношения личной зависимости, что и отразилось в творчестве просветителей, писателей (К. Хетагурова, И. Канукова, С. Гадиева, Е. Бритаева, А. Кубалова и др.). Третий этап, отраженный в литературе социалистического реализма и реализованный в советском обществе, характеризуется развитием свободной индивидуальности в результате изменения форм собственности, ориентации субъекта. При этом существенно возросли требования к человеку как к субъекту общественного производства. Это понимание своей социальной и моральной ответственности, повышение уровня профессионализма. Осетинская литература отразила и то обстоятельство, что человек в мире тоталитарно-плановой экономики сталкивается с весьма существенным противоречием между партийными, политико-идеологическими установками и реальностью, в результате творчество, труд и образованность в некотором смысле девальвируют в условиях административно-хозяйственного диктата, а отношения личной независимости заменяются экономико-административной зависимостью.

Ключевые слова: фольклорное сознание, осетинская литература, критический реализм, социалистический реализм, осетинские просветители, рассказ, повесть, характеры.

В художественном сознании осетин труд осмыслен и представлен как комплексное социальное явление, как способ и источник производства материальных благ, способ функциони-

рования материально-производственной сферы в целом. Иначе говоря, труд проанализирован как социальная реальность, в которой действуют законы материально-производственной сферы

бытия общества, реализуется вся разумная и полезная жизнедеятельность членов данного общества.

Анализируя в целом материально-производственную сферу общества, художественное сознание осетин исследует сущность человека через раскрытие его способности к труду.

Будучи по своей природе биосоциальным существом, человек качественно отличается от животного, т.е. удовлетворяет свои потребности другим образом, нежели его предшественники – животные. И, стало быть, сущность его социальна. Социальность – это феномен, формирование которого, конечно же, и есть исторический процесс одновременного становления труда, сознания и коллективности. То есть становление труда, становление сознания и становление коллективности составляют в сумме суть органического процесса формирования социального способа жизнедеятельности народа. Социально-образующая суть его заключается в том, что в процессе труда человек решает определенную общественно значимую задачу, т.е. создает необходимые блага как для себя, так и для других. Это деятельность, опосредованная общественными связями, приобретающими предметный характер. Созданные человеком продукты имеют новые социальные качества, т.е. становятся предметами социокультурного мира. А совокупность результатов труда формирует мир человека, материальное проявление социальной сущности человека.

В трудовой деятельности человек открывает для себя полезные свойства природных предметов и постигает закономерности развития природы. В труде человек самоопределяется как субъект,

осознает свое отличие от природы, которая открывается ему как сфера приложения его человеческих сил, т.е. свою надприродность.

Словом, в концепции художественного сознания осетин труд есть деятельность по созиданию социальных связей, социальной сущности человека и его возможностей, способностей по практическому преобразованию природы. То есть социально-образующая функция труда – важнейшая характеристика человеческого способа бытия и существенный аспект проблемы происхождения человека и общества. Орудия же труда являются материальным носителем общественно-трудового опыта. Руки и мозг человека считаются естественными органами трудовой деятельности.

Кроме того, в осетинском художественном становлении четко отразилось, что труд, т.е. процесс предметного освоения мира, ведущего к изменению как природного мира, так и самого человека, его потребностей, способностей, интересов, – порождает многообразный комплекс взаимодействий между людьми, между человеком и миром, т.е. обуславливает тот или иной тип общественных отношений. Эти отношения повсюду проявляются в продуктах совместной деятельности людей.

Кочевое общество скифов, предков осетин, занималось скотоводством. Для скифов огромное значение имели земля, скот и орудия труда при коллективной или частной форме собственности. Они в полной мере определяли пути или направления социально-политического развития общества. И четко это отразило фольклорное сознание осетин, например, в жанре трудовых песен.

В песенном фольклоре осетин тру-

довые песни зародились в древности и в них отразились различные стороны жизни народа: трудовая деятельность, традиции, быт, обычаи, особенности уклада жизни, верования и т.д. Осетинские трудовые песни отличаются глубиной содержания, богатством интонационно-музыкальной выразительности. В них труд получил разнообразные формы поэтического выражения.

Весьма интересны по содержанию песни, связанные с изготовлением войлока. Из овечьей шерсти осетины изготавливали сукно, из которого шили одежду и постельные принадлежности – матрасы и одеяла. Все виды работ, связанные с обработкой шерсти, выполняли исключительно женщины.

Ритмический строй песен определяется характером выполняемой работы и в ней восхваляется тяжелый труд изготовителей бурок, воспеваются сноровка, умелые руки.

*Йе, уана, йе аууардут, уарджыта!
Йе, уана, йе, аууардут, ма хурта!
Йе, уана, йе, хорз ладжы нымат у...
Йе, уана, йе, аууардут, уарджыта!
Йе, уана, йе, рогдар ут, ма хурта!
Йе, уана, йе, уе уангта куы 'руагътат.
Йе, уана, йе, уе уангтыл ысхацут!
Йе, уана, йе, цыррдар ут, уарджыта!
Йе, уана, йе, уа растмаганаг,
Йе, уана, йе, растма йа факанай! [1, 301]*

*Йе, уона, йе, валяльщицы, валяйте!
Йе, уона, йе, мои солнышки, валяйте!
Йе, уона, йе, это хорошего человека бурка.
Йе, уона, йе, валяльщицы, валяйте!
Йе, уона, йе, живет, мои солнышки,
Йе, уона, йе, а то вы плечи опустили...
Йе, уона, йе, плечи свои расправьте!
Йе, уона, йе, проворнее будьте, валяльщицы!
Йе, уона, йе, о нас направляющий,
Йе, уона, йе, благослави ее (бурку).*

Тематика женских трудовых песен в первую очередь связана с домашними трудовыми процессами: изготовлением войлока, шитьем, приготовлением пищевых продуктов и т.д.

Мужские трудовые песни охватывают более широкий круг трудовой и хозяйственной деятельности и отличаются большим тематическим и музыкально-композиционным разнообразием. Это связано с годичным календарным циклом, т.е. весенне-летне-осенними земледельческими работами. Это и пахотные или плужные, жнивные, веяльные, покосные песни: «Дала быдыры на гутапта» («Вот на поле наши плуги»), «Рувыны зараг» («Песня о прополке»), «Куырды зараг» («Песня кузнеца»), «Хосдзаутты зараг» («Песня косарей»), «Фаззаджы зараг» («Осенняя песня»), «Тылладжы зараг» («Песня об урожае») и др.

Песни косарей исполнялись в процессе сенокоса. Долгая и суровая зима в горах требовала большого запаса сена, а потому заготовка сена на зиму считалась самой трудоемкой и опасной работой, так как приходилось косить высоко в горах. Массовый выход мужчин на сенокос всегда сопровождался веселыми, радостными песнями, танцами. Так, «Фаззаджы зараг» («Осенняя песня») исполнялась при уборке сена. Ее пели во время работы, а также при возвращении с работы домой:

*Уа-уай, уа фаззаг, дам, ралаууыд, лаппута,
Уай, фаззаг ралаууыд!
Уай-уай, уарайда, ралаууыд фаззаг!
Уай, бакусут лаппута!
Уа-уай, уа уалдзаг, дам, къуыбырджын,
Уай, уа фаззаг макъуылджын!
Уа-уай, уарайда, макъуылджын фаззаг!
Уа-уай, уа, хъалдзагай, дам, бакусут,
лаппута... [1, 301]*

Уа-уай, уа, наступила осень, парни!
 Уай, наступила осень!
 Уа-уай, уа-райда, наступила осень!
 Уай, поработайте, парни, ей!
 Уа-уай, весна с холмами, парни,
 Уай, осень со стогами!
 Уа-уай, уа-райда, осень со стогами!
 Уа-уай, уа, веселее работайте, парни...

Почти во всех жанровых формах осетинского фольклора воссозданы образы мужественных, бесстрашных, трудолюбивых, остроумных и находчивых пастухов. Они являются героями нартского эпоса, осетинских сказок и, конечно же, песенного фольклора осетин. Песни этого цикла отличаются большим музыкально-тематическим разнообразием, глубоким содержанием, художественным совершенством, эмоциональностью. Таковы «Сау хохи фыййауы зараг» («Песня пастуха Черной горы»), «Урс хохи фыййауы зараг» («Песня пастуха Белой горы»), «Фыййауы зараг» («Песня пастуха») и др. Они отличаются богатством художественных образов, полны душевной скорби, трагизма. Это песни-раздумья (*сагъаста*), песни-диалоги, песни, обращенные к стаду, и песни социального звучания, в которых идеализируется пастушеский труд.

Доблестных пастухов, не дрогнувших при нападении на них насильников и проявивших мужество и бесстрашие, народ воспел и опоэтизировал в своих песнях и легендах. Такова популярная среди осетин «Песня пастуха Черной горы» («Сау хохи фыййауы зараг»). Параллельно с песенными вариантами существует и легенда, содержание которой сводится к следующему. Однажды два пастуха пасли свои стада на двух горных склонах: на Белой горе – пастух Белой горы, на Черной – пастух Черной

горы. Пастух Черной горы, заметив, что двенадцать всадников поднимаются к пастуху Белой горы, заиграл на свирели тревожную весть: «Едут разбойники, они убьют тебя и угонят твоё стадо! Чтобы избежать беды, заколи желтого (по другой версии черного) барана из своего стада и свари его для гостей: суп из него для них лекарство, мясо его – для них отравка. Встреть их приветливо». Пастух Белой горы последовал совету пастуха Черной горы и отравил своих врагов.

Пастух Белой горы
 На вершине утеса
 Играет на свирели,
 Изливает по доброму другу
 В звуках свирели
 Скорбь души и печаль.

В тексте песни использованы различные изобразительно-выразительные средства – противопоставления: «Уазджыта не сты, удхасджыта сты» – «Они не гости, они губители»; олицетворения: «фызарда'лдартта» – «бессердечные»; использование глаголов настоящего времени в значении прошедшего времени: «карадзи хъуынхъис куыйта куы тоныныц» – «собаки друг у друга вырывают клочья шерсти». Песня отличается глубокой эмоциональностью, своеобразной ритмической организацией, в частности, повторяющимися рефренами «Гъей, ама уай, ой, бецау фыййау!» – «Гей, уой, ой, бедный пастух» после каждой третьей строки; повторами: «Архуы аджы сын, архуы аджы сын йа фыд ысфыхта» – «В медном котле, в медном котле сварил им мясо», «Куы да мардзысты, куы да мардзысты» – «Они убьют тебя, они убьют тебя» и т.д.

Многие пастушеские песни характеризуются глубоким лиризмом, ведь в них изображаются внутренние пере-

живания героя, вызванные любовью к девушке, т.е. они близки к любовной лирике.

Для пастушьих песен характерен повествовательно-прозаический стиль, и это свидетельствует об их архаичности.

Почти во всех песнях пастух наделяется лучшими чертами, свойственными горцам, – гуманностью, гостеприимством, добротой, благородством.

Осетинские трудовые песни также составляют древнейший пласт осетинского песенного фольклора. Они отличаются жанровым разнообразием, богатством содержания, показывают, как качественно обогащается принцип подражания действительности, его возможности, свидетельствующие о процессе усиления реалистических тенденций в художественном сознании в процессе обогащения эстетики художественного образа.

Производительные силы и производственные отношения эволюционируют постепенно, в процессе поступательного исторического развития общества. Не случайно ведь Ф. Энгельс писал, что «в истории развития труда – ключ к пониманию всей истории общества» [2, 291]

Процесс вхождения горца в водоворот капиталистического развития России в XIX в. затронул экономику и быт горских народов. Шла безжалостная перестройка их традиционного уклада жизни, хозяйственной культуры, быта, сознания, ломка вековых этических представлений и норм, освященных традицией. И разум народа был обращен к осмыслению и решению этих новых для горцев явлений действительности. В таких условиях зародилось осетинское просветительство.

Просветители сформировали четкое концептуальное представление о труде как не только об источнике материальных благ, необходимых человеку для выживания, для жизни. Только труд, полагали они, общественно-полезный, производительный, делает человека человеком, субъектом социально-исторического процесса, частью великого целого, – человечества. Только трудящийся человек освещает разумом и жизнь народа, и жизнь государства, оставляет след в жизни человечества, т.к. меняет к лучшему и человека, и жизнь в целом, обогащает ее гуманистический потенциал, устремляет к добру исторический процесс.

Труд творит новый мир и нового человека с учетом требований морального сознания общества. Трудящийся человек ведет ожесточенную борьбу со стихией зла, природной и социальной; в целом только он реализует социально-нравственную и творчески-преобразующую функцию человека в мире, в жизни, в обществе. И, конечно же, собственную гуманистическую природу, сознательно-созидательную природу человека, полагали они.

Только благодаря труду человек в процессе своей многотысячелетней эволюции получил свой современный облик, научился мечтать, творить; приобрел способность сопереживать себе подобным. В процессе труда человек обрел способность общения с себе подобными, открыл такое важное средство общения, как речь, – единственно человеческое достояние.

Просветитель и писатель И. Кануков в этих обстоятельствах старался осмыслить глубоко законы истории. Он понимал, что объективные условия жизни определяют ход общественного

развития, что исторические законы существуют независимо от человеческого сознания. В очерке «Горцы-переселенцы» И. Кануков писал: «Ряд исторических фактов... свершившихся почти на наших глазах, доказывает нам, что народ сохраняет дух воинственности, удалства до тех пор, пока обстоятельства окружающей его жизни тому благоприятствуют, когда есть, так сказать, арена для поддержания и воспитания этих качеств... Влияние этого неизменного могущественного исторического закона мы видим и в наших горцах» [3,96]. В связи с этим он подчеркивал роль труда в жизни человека. В частности, он осуждал феодалов-тунеядцев: «Пора, пора оставить дурачиться и разъезжать по аулам бесцельно; пора приняться за работу, забыв, что черная работа стыдна алдару или узденю» [3, 96].

С развитием социально-экономической жизни народа и усилением роли и значимости труда писатель связывает и вопросы морали. В зависимости от перемен в жизни, по его мнению, меняются нравы и обычаи людей.

Большое внимание А. Гассиев, другой просветитель, уделил философскому вопросу о человеческом счастье. Он в корне не был согласен с теми философами, которые считали, что счастье возможно только в потустороннем мире. Для Гассиева человеческое счастье заключается в земной реальной жизни. И проявляется оно при удовлетворении материальных и духовных потребностей людей, А потому бедность горцев он считал большим несчастьем. «Что бедность... есть несчастье и делает людей, большинство их, несчастными, это доказывают сотни тысяч фактов, вся человеческая жизнь [4, 71] – прихо-

дит он к выводу. По мнению Гассиева, учение Л. Толстого о счастье на основе пяти заповедей Христа приводит человека к «нравственному безразличию и апатии (1); к созданию семейного ада под покровом брачного союза (2); к легкомысленному отношению к долгу и обязательствам (3); к господству злых, угнетению слабых, отсутствию безопасности (4); к несправедливости в житейских отношениях между людьми (5). Таким образом, исполнение пяти заповедей в формулировке Толстого вовсе не дает мне и всем людям блаженства, скорее ведет к несчастью всех» [4,70].

Гассиев не согласен с мыслью Толстого о том, что Христос проповедовал бедность и бродячую жизнь. По мнению осетинского философа, это неверное толкование христианского учения о бедности и богатстве, ведь оно не отрицает возможности богатства для бедных людей.

По мысли Толстого, люди стремятся к идиллической жизни под открытым небом, к тому, чтобы иметь любимое дело, семью, возможность свободно общаться и быть здоровыми. Это и есть разумная жизнь, христианское же учение заставляет людей руководствоваться разумом и предостерегает их от глупостей.

Да, рассуждает Гассиев, люди должны иметь свою семью, любимое дело, свободно общаться, быть здоровыми, но такая бездеятельная жизнь отбросит их к первобытному состоянию. В отличие от Толстого, он видит условия счастья в трудовой деятельности человека, который сознательно и ответственно посвятил себя делу, ставшему для него любимым. Стало быть, развитие промышленности, науки, экономики, вообще прогресс – верная основа для счастья

ливой человеческой жизни. Конечно, в рассуждениях Гассиева видна некоторая ограниченность его понимания классовой сути общества.

«В наше время, – писал А.Гассиев, – очень многие... приобретают миллионные состояния неустанным трудом, особенно промышленным. Разными изобретениями, техническими усовершенствованиями, открытием способов производства нужных для жизни предметов, новых способов извлечения ценных вещей из недр земли и т.п. И если такие люди часть нажитых богатств отдают на помощь бедным, нуждающимся, на устройство больниц, убежищ и приютов для больных, престарелых и пр., то разве не справедливо сказать о них, что они – разбогатели для бога» [4, 37]. То есть Гассиев рассматривает собственность как основу формирования экономического индивида. В целом как основу отношений личной независимости и внешней зависимости. Отсюда выводится экономическая основа свободы человека как субъекта труда. И он же, как в целом и критический реализм, определяет грани этой свободы.

Частнособственнические отношения и производство формируют человека с определенными свойствами, потребностями, жизненными устремлениями, интересами – т.е. во всем богатстве его социальных связей как целостного, универсального индивида – итога развития буржуазного общества.

Гассиев отвергал мнение Толстого о том, что бедные умирают более счастливыми. Ведь умирающий бедняк, отмечал Гассиев, с горечью покидает мир, думая о том, что оставляет голодающую семью, тогда как богатого эта мысль не беспокоит. Он писал: «Философ наш не видит или не хочет видеть

резко выступающие факты мировой жизни: во-первых, безработицы рабочих и, во-вторых, недостаточности для жизни рабочей платы, недостаточности, вызванной неравномерным ростом этой платы и цены предметов, необходимых для жизни. Оба явления постоянны и служат постоянной причиной бедствия рабочих. Но есть еще нечто худшее. Что будет с человеком, живущим своим собственным земледельческим хозяйством, а также со свободными рабочими, когда их постигнет болезнь и утрата трудоустройства? Или что будет с детьми их при сиротстве и малолетстве» [4, 78].

Критический реализм пытался вскрыть глубинные проблемы осетинского общества на столь ответственном этапе истории, и, в частности, суть, происхождение социального неравенства и пути его преодоления. Так, в литературном процессе исследуются глубинные и острые противоречия между частной собственностью и эксплуатацией человека человеком. И это особо заметно в творчестве К. Хетагурова, А. Кубалова, С. Гадиева, Е. Бритаева и др.

В целом осетинская литература критического реализма показала, что история осетинского народа движется к более зрелым формам человеческого бытия, к гуманизму. Потому и отдельная человеческая судьба, жизнь, характер приобретают высокий смысл, т.к. «вплетены» в общую историческую канву. И в этом как раз проявляется глубоко оптимистический и жизнеутверждающий характер осетинской литературы критического реализма.

Традиции осетинской литературы критического реализма продолжила литература социалистического реализма. Социалистический реализм, по

определению М.Горького, «утверждает бытие как деяние, как творчество, цель которого – непрерывное развитие ценнейших индивидуальных способностей человека. Ради победы его над силами природы, ради его здоровья и долголетия, ради великого счастья жить на земле, которую он, сообразно непрерывному росту его потребностей хочет обработать всю, как прекрасное жилище человечества, объединенного в одну семью» [5, 330].

Осетинская литература пытается глубинно осмыслить роль труда в жизни и судьбе советского человека, в процессе формирования его характера. Повесть М. Цагараева «О колхозном плотнике Саго» рассказывает о советских людях, отстоявших страну в Великой Отечественной войне и приступивших к ее восстановлению.

Герой повести колхозный плотник Саго живет в центре цветущего села Бидиркау возле двух высоких тополей. Весельчак и балагур, Саго привязан сердечно к своему селу, – еще бы! Село преуспевающее, далеко в Осетии гремит его слава. И места тут неопишуемые, известны своим воздухом, фруктами. В молодости Саго три года провел на империалистической войне и страшно тосковал по своему дому, по селу, по людям, которых обожал. Вернувшись, он женился на девушке из фамилии Калоевых, и так и величал ее всю жизнь: Калон. В юности он отчаянно боролся с нищетой, но никогда не унывал и не бездельничал: никто не мог вспомнить этого веселого человека без дела, праздно шатающимся. Став плотником, он строил дома в селе (и строил на совесть!), районный дом культуры, полевые станы. Сын его Ахсар учился в институте. Родители

обожили его. Когда началась Великая Отечественная война, он, как и все его сверстники, ушел на фронт защищать Родину. И Саго с Калон ежедневно ждали от него весточки.

Когда настала угроза оккупации, жители Бидиркау спешно покинули свои дома и ушли в лес. Парторг колхоза Бидиго передал Саго поручение секретаря райкома партии Кубади сжечь хлеб, чтобы он не достался фашистам. Сердце Саго сжалось: как так, уничтожить урожай, плод усилий и бессонных ночей тысяч людей?!

Однако подумав, он согласился: другого выхода нет! Так он стал партизаном-подпольщиком, получил поручения от Кубади, который руководил партизанским движением. Он попросил Калон вместе с соседями уйти в лес, сам пообещал ей вскоре к ним присоединиться. Но по дороге обоз был разбомблен фашистами, и Калон погибла. Но Саго не сдался воле обстоятельств: он продолжал выполнять поручения партизанского руководства.

По-разному люди вели себя в тот час испытаний: кто-то оказался слаб духом, кто-то оказывал сопротивление. Так, мать Кубади, старая Айсаду, помогала партизанам, ухаживала за ранеными. А Гадзыбе, молодой здоровый мужчина, дезертировал с фронта и стал прислуживать немцам. Мать его Бигдиан, человек кристальной честности, открыто заявила сыну, что не может жить без своих односельчан, а его, убийцу и зверя, поднявшего руку на стариков и беззащитных женщин, не может простить. Она от горя просто слегла, заболела. Только другой ее сын, Батыр, обрадовал бедное материнское сердце: он проявил героизм, был ранен в бою и благополучно вернулся в отчий дом.

Война закончилась. И только сейчас стало ясно людям, в какое запустение пришло село и как оно нуждается в добрых умелых руках плотника Саго, который, несмотря на личные потери, жизнерадостно и мужественно приступил к строительству новых домов, новой жизни. Жаль вот только не выйдет навстречу вернувшемуся с фронта его верная подруга жизни Калон...

Писатель словно хочет сказать, что Саго понимает: жизнь прожить – не поле перейти. Никто еще не жил без потерь. Главное – сохранить волю к жизни, интерес к жизни – в любых испытаниях. В этом как раз и заключается искусство жить, по мнению Саго и, конечно же, в самоотверженном труде, в созидании.

Но осетинская литература, верная своему исконно родовому принципу отражать жить реалистично и правдиво, раскрыла и некоторые негативные стороны жизни советского общества, когда официальная идеология резко расходится с жизнью, с реальностью. Литература исследует причины и последствия данного явления.

Главный герой романов А. Агузарова «Солнцеворот», «Сын кузнеца» – уже герой нового типа. Он не хочет просто верить в святость идеалов революции: он глубоко и основательно анализирует процессы, происходящие в окружающем его мире.

Сюжет романа прост: зарождается неразрешимый конфликт между двумя представителями власти, между двумя

коммунистами – главным редактором республиканской газеты Муратом и первым секретарем обкома партии Бексолтаном. Конфликт, можно сказать, мировоззренческий, нравственный: Бексолтан, партийный работник старой закалки, привержен старым, привычным методам руководства. И не случайно: народ, как безликая масса, для него всего лишь объект воспитания, принуждения. Мурат же – сторонник новых представлений и нового, бережного и внимательного отношения к людям, к их нуждам, заботами.

Так, А. Агузаров (серией своих романов «Солнцеворот», «Сын кузнеца», «Шум горной реки»), В. Цаголов (трилогией «Послы гор», романов «Тринадцатый горизонт» и др.), Р. Тотров (романом «Любимые дети»), Г. Агнаев (романом «Последняя ночь»), Г. Бицоев (романом «Зеркало неба»), Н. Джусойты (повестью «Возвращение Урузмага») и др. утверждают в осетинской советской литературе новые ценности, новые нравственные идеалы и ориентиры, новое осмысление социалистической действительности и роли и места в ней человека вообще и человека труда в частности.

В целом осетинская литература трактует труд как философско-социологическую категорию. Прежде всего труд осмысливается как органическое единство всеобщеродовых и индивидуально-специфических черт характера человека, представителя конкретного социального и национального мира.

1. Памятники народного творчества: трудовая и обрядовая поэзия. Владикавказ, 1992. Т. 1.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М., 1961. Т. 21.
3. Кануков И.Д. Сочинения. Орджоникидзе, 1963.
4. Гассиев А. Новое исследование Л. Толстого. Его толкование евангельских текстов о вере и заповедях Христа с исторической и философской точки зрения. Владикавказ, 1914.
5. Горький М. Собрание сочинений. В 30-ти т. М., 1953. Т. 23.

Fidarova, Rima Ya. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); rfidarova@mail.ru

PHILOSOPHICAL-AESTHETIC COMPREHENDING OF LABOR IN OSSETIAN LITERATURE AS A FACTOR OF PERSON DEVELOPMENT.

Keywords: folklore consciousness, Ossetian literature, critical realism, socialist realism, Ossetian enlighteners, short story, story, characters.

The article based on the analysis of Ossetian literature identifies and analyzes the stages of the formation of an individual's personality as a subject of labor in the philosophical-aesthetic comprehension by the artistic consciousness of the Ossetians. It is shown that, on the one hand, the Ossetian artistic consciousness considered labor as a powerful factor in the formation of the essence of a person, and as a complex social phenomenon, organically connected with the laws of the development of society, on the other hand. It was the Ossetian enlighteners, who paid attention to this circumstance, and for the first time thought about the dialectics of the necessity and freedom of social labor. The enlighteners also noted the estate-political conditionality of labor in a class society. Comprehension of the process of formation of a person as a subject of labor by the folklore consciousness of Ossetians, reflecting the relationship of personal dependence in the primitive and feudal eras, can be conditionally attributed to the first stage. Then the Ossetian literature of critical realism reflected the specifics of the formation of the subject of labor in a capitalist society, where private property relations are realized and a person is formed with rich social and spiritual properties, needs, connections as an integral and universal product of society (K. Marx). This is the second stage in the formation of a person as a creator, a subject of labor, in the understanding of the artistic consciousness of the Ossetians. At the same time, a person in the world of commodity-money relations acquires the ability to work hard, significantly developing relations of personal dependence, which is reflected in the work of educators, writers (K. Khetagurov, I. Kanukov, S. Gadiev, E. Britaev, A. Kubalov and etc.). The third stage, reflected in the literature of socialist realism and implemented in Soviet society, is characterized by the development of free individuality as a result of changes in the forms of ownership, the orientation of the subject, while the requirements for a person as a subject of social production have significantly increased. This is an understanding of one's social and moral responsibility, an increase in the level of professionalism. Ossetian literature also reflected the fact that a person in the world of a totalitarian-planned economy is faced with a very significant contradiction between party, political and ideological attitudes and reality, as a result, creativity, work and education in a sense devalue under the conditions of administrative and economic dictate, and relations personal independence is replaced by economic and administrative dependence.

REFERENCES

1. *Pamyatniki narodnogo tvorchestva: trudovaya i obryadovaya poeziya* [Monuments of folk art: labor and ritual poetry]. Vladikavkaz, Ir, 199, vol. 1. 438 p.
2. Marx, K., Engels, F. *Sochineniya. Izd. 2-e* [Works. 2nd ed.]. Moscow, Gospolitizdat, 1961, vol. 21. 745 p.
3. Kanukov, I.D. *Sochineniya* [Works]. Ordzhonikidze, Sevsgiz, 1963. 368 p.
4. Gassiev, A. *Novoe issledovanie L. Tolstogo. Ego tolkovanie evangel'skikh tekstov o vere i zapovedyakh Khrista s istoricheskoi i filosofskoi tochki zreniya* [New research of L. Tolstoy. His interpretation of the gospel texts on the faith and commandments of Christ from a historical and philosophical point of view]. Vladikavkaz, 1914. 100 p.
5. Gorky, M. *Sobranie sochinenii. V 30-ti t.* [Collected works. In 30 vols]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1953, vol. 23. 463 p.